

The last centuries of the pre-Christian era and the first centuries of the Christian era are one of the most dramatic periods in the history of Central Asia. At that time the resplendent Graeco-Bactrian kingdom fell under the onslaught of several waves of nomads and the Great Kushan Empire was founded. Unfortunately, the history of the nomads has not been thoroughly studied. Materials of written sources (works by Strabo, Justin, Ptolemy and other late ancient authors) are incomplete, which makes one turn to an analysis of archaeological data. They offer abundant information on the nomads' armaments and (partly) on their military tactics, dress, hair style, details of life, religion and mythology, anthropological make up and many other things.

The article analyzes in detail a rich collection of coroplastic works and a bronze buckle as well as some other finds from Kampyr-tepe in right-bank Bactria. The art objects considered in the article testify to close ties and contacts of the Parthian and the Bactrian cultural complexes and shed a new light on the image of the nomads in the art of Central Asia on the threshold of the Christian era.

© 1998 г.

И.Р. Пичикян

ВОЗРОЖДЕНИЕ БОЛЬШОГО КЛАДА ОКСА. ВТОРАЯ ЧАСТЬ КЛАДА ОКСА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МИХО МУЗЕЯ*

Этой работой ВДИ начинает публикацию утраченного и вновь найденного Большого клада Окса (ОТ-2). Это, безусловно, самое крупное¹, самое изумляющее сокровище ахеменидского и эллинистического времени. Оно было открыто еще в XIX в., и история находки хорошо известна. Сначала продажа Клада Окса, затем утрата, с детективной развязкой, которая более столетия спустя, т.е. совсем недавно, получила неожиданно счастливое для науки завершение².

На правом берегу Окса (современной Амударьи) – главной жизненной артерии среднеазиатских пустынь, протекающей между Афганистаном и Таджикистаном, в 1877 г. местными крестьянами, добывающими золото на берегу золотоносной реки, текущей с предгорий Памира через всю Центральную Азию в Аральское море, в самом ее верховье у слияния Пянджа и Вахша, в урочище, именуемом Тахти Кубад, у подножия старой крепости, размываемой водами реки, было найдено множество золотых вещей и монет³. У переправы Тахти Кубад, находящейся вблизи этого места,

Во время подготовки к юбилею «Вестника древней истории» из Берлина пришло траурное известие о скоропостижной кончине 23 июня за рабочим столом в Германском археологическом институте нашего коллеги и друга, крупного ученого Игоря Рубеновича Пичикяна, успевшего перед отъездом не только завершить работу над Большим Кладом Окса, но и подготовить по нему обзорный доклад, который был зачитан на нашей юбилейной конференции. Открывая данной статьей серию публикаций И.Р. Пичикяна, редколлегия и редсовет ВДИ воздают дань памяти на редкость счастливому, плодovitому и неутомимому исследователю, оставившего неизгладимый след в археологии и наших сердцах.

* Работа написана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

¹ В представленных 2 600 номерах от пары до более сотни однотипных изделий (см. знаменатели каталога).

² Считаю своим приятным долгом поблагодарить общество Шини Шумей и Михо музей за предоставленную мне возможность ознакомиться, проработать и опубликовать весь материал Клада Окса.

³ Dalton O.M. The Treasure of the Oxus. L., 1905. P. 1–3.

древние золотые вещи были проданы трем бухарским купцам⁴, направлявшимся с караваном верблюдов в Индию. Купцы по дороге в Пешавар, встретившись с кочевниками племени гильзаев, вынуждены были расстаться со своим золотом. Попросив у английского капитана Бартона защиты, купцы сумели вернуть часть отобранных сокровищ. Другая часть была безвозвратно утеряна. Добравшись до города Равалпинди (совр. Пакистан) купцы при посредничестве местных ювелиров продали около 200 золотых вещей и 1500 золотых и серебряных монет английским должностным лицам – коллекционерам. Английские чиновники завещали купленные вещи Британскому музею. Так лишь небольшая часть сокровищ, найденных в пустынном месте в верховьях Амударьи, после значительных утрат попала на берега туманного Альбиона, они и теперь украшают экспозицию Британского музея Лондона.

В первый раз по договоренности с академиком Б.Б. Пиотровским в обмен на выставку «Золото из Сибирской коллекции русского царя Петра I» выставка «Сокровище Окса», впервые покинув стены Британского музея, экспонировалась в Эрмитаже и ГМИИ им. А.С. Пушкина в 1979 г. Однако история с сокровищем Окса, которую, казалось, должно было бы ожидать забвение, обрела достаточно интересное продолжение.

Ровно сто лет спустя после находки сокровищ, в 1976 г., начались раскопки зороастрийского храма именно на этом же месте слияния двух притоков Окса – Вахша и Пянджа в урочище Тахти Кубад небольшим отрядом археологов (И. Пичикян и с ним четыре сотрудника Государственного музея искусств народов Востока)⁵. В результате двухнедельных раскопок археологи уже расчищали позолоченную лохань, в которой вместе с костями животных, среди большого количества золотой фольги были найдены сотни приношений, в том числе позолоченные фигурки Эротов. Двадцать полевых сезонов (в сумме целей пять лет) провели археологи в этой безводной и безлюдной пустыне, кишащей змеями и ядовитыми насекомыми.

В итоге был открыт зороастрийский храм, возвышающийся почти на всю свою первоначальную высоту около 6 м (стены храма толщиной 3, высотой местами 5,5 м), окруженный вторыми еще более мощными стенами толщиной 7 м. Ученые считают его классическим, эталонным зороастрийским храмом огня из-за прекрасной сохранности его стен и открытых в нем *атешгах* – комнат, хранящих «вечный огонь». Архитектурному совершенству храма соответствуют многочисленные находки, среди которых множество первоклассных произведений искусства из золота, серебра, бронзы, железа, но в основном из слоновой кости. Оружия, к примеру ножен греческих мечей, найдено больше, чем во всем Средиземноморье за 150 лет раскопок⁶. Найдена целая галерея портретов и скульптур богов, царей и жрецов в кирбасиях и гофрированных хитонах, с характерно спускающимися от узла концами пояса⁷. Последнее очень важно, так как в хрупкой скульптуре, которая не могла быть привезена, а была изготовлена на месте из местной необожженной глины, мы видим служителей храма, изображенных в таких же точно поясах, как на пластинах Клада Окса. Открыто около четырех сотен монет.

Наиболее важная находка в храме – маленький алтарь с посвящением на древнегреческом языке божеству реки Окс: «По обету Атросок посвятил Оксу»⁸. Для атрибуции Клада Окса особое значение приобретает адекватное посвящение Оксу-Вахшу, выгравированное на перстне из Клада Окса, попавшем в Британский музей (ОТ-1,

⁴ Известны даже их имена: Вази ад-Дин, Гулям Мухаммад и Шукер Али (*Dalton*. Op. cit. P. 3).

⁵ Пичикян И.Р., Войтов В.Е., Дубровин А.Ф., Арабов С.Ф., Колпаков А.А. Раскопки Шаартузского разведывательного отряда на Каменном городище // Археологические открытия 1976 года. М., 1977. С. 571 сл. Отряд вошел в состав Южнотаджикской экспедиции, руководимой академиком АН Таджикистана Б.А. Литвинским.

⁶ Пичикян И.Р. Парадные ножны греко-бактрийских мечей // Проблемы античной культуры. М., 1986.

⁷ Он же. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991. С. 194–198. Илл. 37.

⁸ Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4; SEG. XXXI. 1381; XXXII. 1402; XXXV. 1480.

№ 105) с арамейской надписью – «Вахшу», прочтение которой стало общепризнанным⁹.

Посвятительные надписи – одна известная арамейская в Кладе Окса, другая, греческая, найденная в самом храме Окса, – говорили о том, что предметы посвящены одному и тому же божеству, на разных языках называя его Вахшем = Оксом. Таким образом, Клад Окса, названный так случайно по месту находки, оказался действительно драгоценными приношениями, посвященными богу реки Оксу. Единство комплексов Клада Окса и находок клада Окса подтверждают золотые пластины и многие другие мелкие изделия из золота, оставленные в храме при тезаврировании его сокровищ в период кушанского нашествия.

В храме за двадцать полевых сезонов археологами было найдено более 8000 приношений из слоновой кости, позолоченной бронзы, железа и лишь 50 из золота. Золото было вынесено из сокровищницы храма и спрятано, как выяснилось, во время нашествия кочевников на Бактрию. Среди предметов, найденных в храме, большое количество высокохудожественных произведений искусства ахеменидского и эллинистического времени. До настоящего времени больше нигде в Средней Азии, кроме как в Кладе Окса, подобных находок этого времени нет.

С самого начала изучения Клада Окса еще в прошлом веке А. Каннингему стало ясно, что в скульптуре и на пластинах изображены зороастрийские жрецы с пучками барсома в руках и повязкой, прикрывающей рот. Дальнейшее изучение и сопоставление находок в храме Окса и Кладе Окса показало идентичность посвященного инвентаря. Идентификации этих двух сокровищ Клада Окса из Британского музея и найденного в храме Окса была посвящена специальная работа¹⁰.

В 1989 г. по инициативе директора доктора Е. Фишера и нынешнего директора А. Лутца в Ритберг музее г. Цюриха состоялась первая совместная выставка «Сокровищ Окса» (из раскопок храма Окса и вотивов Клада Окса Британского музея) в сопровождении двух параллельных прекрасно изданных каталогов¹¹. Такая же совместная выставка прошла с успехом и в Риме в 1993–1994 гг. в Музее Востока (директор D. Mazzeo)¹².

Тогда же стало известно о новой находке в Афганистане в 1993 г. утраченного сокровища – второй, пропавшей части Клада Окса. Она была привезена в Англию для продажи. Как всегда, истории с кладами легендарны. Но самые фантастические версии иногда оказываются не только верными, но они еще и повторяются. Вторая находка утраченных сокровищ живо напоминает поучительную притчу, рассказанную Геродотом две с половиной тысячи лет назад. Отец спрятал сокровища на своем участке и велел детям искать их. Они перекопали весь дом и участок, не нашли сокровища, но получили прекрасный урожай. Не известно, много ли урожая собрали афганские реальные наследники сокровищ. Не только дети, но и внуки, зная о сокровищах Окса, спрятанных на их земле, продолжали поиски и, наконец, нашли сокровища. Другой факт, что вторая часть Клада Окса тем же путем через Пешавар была отправлена в Лондон, также верен. Однако на этот раз они не были подарены Британскому музею, а попали в Михо музей (Япония).

Раньше мало кто доверял сказочно звучащему рассказу о приключениях купцов в Афганистане и об отважном английском капитане Бартоне, вернувшем часть сокровищ. Однако теперь становится ясно, что купцы рассказывали правду. Они довели до Равалпинди меньшую часть Клада и получили меньше, чем заплатили местным

⁹ Й. Маркварт, В.А. Лившиц, Е.В. Зеймаль, Ф. Грене и др.

¹⁰ Пичикян И.Р. Клад Окса и храм Окса // Советское востоковедение. М., 1988; *Pitschikjan I.R. Oxos-Schatz und Oxos-Tempel. Achemenidische Kunst in Mittelasien / Antike in der Moderne.* В., 1992.

¹¹ *Pitschikjan I. Oxus. 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasien. Neue Funde aus Sowjetrepublik Tadschikistan.* Museum Rietberg, Zürich, 1989. S. 32–50; *Mitchell T.C. Oxus. Der Oxus-Schatz aus dem British Museum.* Museum Rietberg, Zürich, 1989.

¹² *Pitschikjan I. Oxus. II Periodo persiano ed ellenistico ed i regni greco-battriani (VI–II secolo a.C.). Tesori dell'Asia Centrale.* Roma, 1993. P. 11–13, 30–37.

крестьянам, нашедшим золотые изделия. Несмотря на отвагу капитана Бартона в Афганистане действительно осталась большая часть сокровищ. Они были спрятаны в расположенном в верховьях реки Пянджшир в Нуристане горном селении в водоеме источника, на краю земельного участка правителя. Более ста лет члены его семьи проводили поиски, зная о спрятанном сокровище, и лишь в 1993 г. отыскали его. Можно сомневаться в сказочности сюжета, восходящего к рассказам Геродота, однако совершенно очевидны два факта: первый, наиболее важный – это часть сокровищ именно Клада Окса, а не какого-либо другого клада. На Востоке золото – священный металл, требующий самого бережного отношения, а наследники знали не только о спрятанных сокровищах, но даже о месте его происхождения с берегов Окса. Сокровища продавались, как это и зарегистрировано в документах, а также в лотах при продаже: «Найдены в районе Окса. Дата – около V в. до н.э.». Второй, менее важный факт еще более очевиден – сокровища прятались в воде, о чем свидетельствуют мощные окислы серебра и песок, приставший к большинству предметов. По моим сведениям очень небольшая часть найденных в 1993 г. предметов пока оказалась недоступной автопсии. Но номера предлагаемого читателю каталога музея расставлены так, что могут быть продолжены по мере необходимости в любое время.

Хуже обстоят дела с монетами. По данным, которые, вероятно, должны подтвердиться, несколько сотен золотых, но в основном более 2 000 серебряных монет было представлено для продажи. Однако и это число условно, точно не считали, так как цена была неоправданно высока.

По сведениям афганцев, купцы лишились сокровищ вблизи Черикара, на пути из Мазари Шарифа. Затем новые владельцы сокровищ ушли в горы и спрятали это сокровище в воде вблизи источника. Затем, 120 лет спустя их удалось найти наследникам главы рода, которые все это время искали их безуспешно. Вполне достоверно и третье: вторая часть Клада Окса была бережно представлена на продажу, а не переплавлена, как это обычно бывает с найденными сокровищами. Вот собственно и все, что в настоящее время можно сказать о находке и продаже предлагаемых вниманию читателей новых сокровищ. Впоследствии, при публикации каталога готовящейся выставки эти сведения, возможно, будут дополнены.

В настоящее время необходимо основное внимание уделить описанию и интерпретации каждого из более чем 2 500 предметов. Именно они и решают главные остродискуссионные вопросы датировки и назначения золотых вещей. На главный вопрос – чем был Клад Окса, на мой взгляд, удачнее всего ответил, открывая выставку в Эрмитаже, академик Б.Б. Пиотровский, характеризуя меньшую часть Клада Окса как памятник мировой культуры. «Достаточно сказать, – писал Б.Б. Пиотровский, – что к кладу в целом или к отдельным предметам из него обращались за прошедшие сто лет десятки специалистов – искусствоведы и археологи, иранисты и знатоки эллинистической эпохи, специалисты по семитским языкам и исследователи древней культуры Сибири, нумизматы-античники и историки ремесел, исследователи палеографии и металловеды. Именно для них, а не для первоначального владельца, Амударьинский клад оказался подлинным сокровищем»¹³.

Известно, что ныне находящийся в Британском музее Клад Окса состоит из золотых предметов и около 500 золотых, серебряных и медных монет. Среди вещевой части Клада Окса из 200 предметов насчитывается 50 золотых пластин, т.е. они составляют четвертую часть Клада. Известно также, что часть Клада, найденного в 1877 г. на северном берегу в верховье Окса, там где Вахш сливается с Пянджем (Таджикистан) до г. Равалпинди (совр. Пакистан), где вещи были проданы английским меценатам, по дороге через Афганистан была утрачена. Все это стало известно из рассказов купцов англичанам, но не вызывало большого доверия. Эта детективная и захватывающая история не раз обсуждалась в среде ученых. Достаточно долго в научной литературе дискутировалось точное место находки, так же как и назначение

¹³ Пиотровский Б.Б. Предисловие // Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979. С. 7.

предметов, составляющих Клад. И что самое удивительное – предлагалась неверная датировка Клада, хотя монеты последних греко-бактрийских царей и Таксилы достаточно точно указывали на то, что Клад был зарыт во время нашествия кочевников кушан.

Первые два вопроса: назначение предметов и точное место находки – взаимосвязаны. Правы оказались те ученые, которые распознали на votивных пластинах изображения жрецов, следовательно, пластины посвящались в храм и были приношениями зороастрийскому божеству. Оставалось только найти храм огня на правом берегу в верховье Окса. Однако до настоящего времени в храме Окса было найдено всего три золотых пластины. Первая – что очень важно для атрибуции Клада Окса храму Окса – полуфабрикат с не покрытой гравировкой поверхностью, однако сложенная с двух концов, как и большинство пластин Клада Окса¹⁴. Вторая – с изображением крылатого сфинкса, который едва просматривается. Третья – с изображением одногорбого верблюда, которого ведет бактриец¹⁵.

Подготовленные к публикации около трех тысяч votивных предметов из музея в Японии дополняют наши представления о первоначальном составе Клада Окса и сокровищах храма Окса. Как оказалось, votивные пластины с изображениями жрецов и донаторов преобладают, в десятки раз превосходя число других золотых изделий Клада Окса как Британского музея, так и Михо музея. Это в сильной степени укрепляет позицию тех, кто считал золотые пластины принадлежащими храму культовыми приношениями.

При рассмотрении предметов коллекции Михо музея по группам мы следовали за их последовательностью, предложенной О. Далтоном, однако количество разделов было увеличено в первой части клада за счет небольшого числа серег, бус, нашивных бляшек, мелких предметов и монет (разделы 6–8). Разграничения в разделах соблюдены не всегда очень строго: некоторые предметы и произведения искусства можно идентифицировать двойко – как скульптуру или рельефную пластику, либо как мелкие предметы. Особенно сложно точно определить назначение серег или бус, которые вполне могли быть нанизаны на нить вперемежку. В разделе мелкие предметы выделено оружие – это уменьшенные модели боевого вооружения, служившие votивами: луки, мечи и копья.

Необходимо сделать некоторые предварительные замечания и по каждому разделу Большого клада Окса (ОТ-2). За небольшими исключениями перечисленные в каталоге предметы изготовлены из золота. Они дошли в хорошем состоянии. А вот серебряные изделия коллекции не все были подвергнуты реставрационной очистке от окислов и приставшего к ним речного песка, поэтому вес и размеры предметов (в граммах, размеры в миллиметрах) даны по их нынешнему состоянию; после очистки вес, разумеется, должен будет значительно уменьшиться. Из восьми разделов, обозначенных римскими цифрами, здесь публикуется только первый. Номера предметов, кроме разделов, состоят из двух цифр: числителя – номера настоящего каталога – и знаменателя – инвентарного номера Михо музея.

I. СКУЛЬПТУРА

Пластика представлена 17 экземплярами, пять из которых – изображения жрецов небольшого размера, держащих прутья барсома в правой руке; подобные изображения жрецов известны по Кладу Окса Британского музея (ОТ-1 № 2, 2А). В скульптуре представлены также изображения животных: быка, двух львов, трех тигров, змеи. Все перечисленные предметы выполнены в классическом ахеменидском стиле. Особенный интерес представляет ритуальный кастет № 866 с сильно сработанными заост-

¹⁴ В Большом кладе Окса прослеживается поэтапное изготовление пластин, есть и около 10 таких же полуфабрикатов и некоторые из них с предварительным рисунком, как на аттической вазописи.

¹⁵ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Золотые пластины из храма Окса (Северная Бактрия) // ВДИ. 1992. № 3.

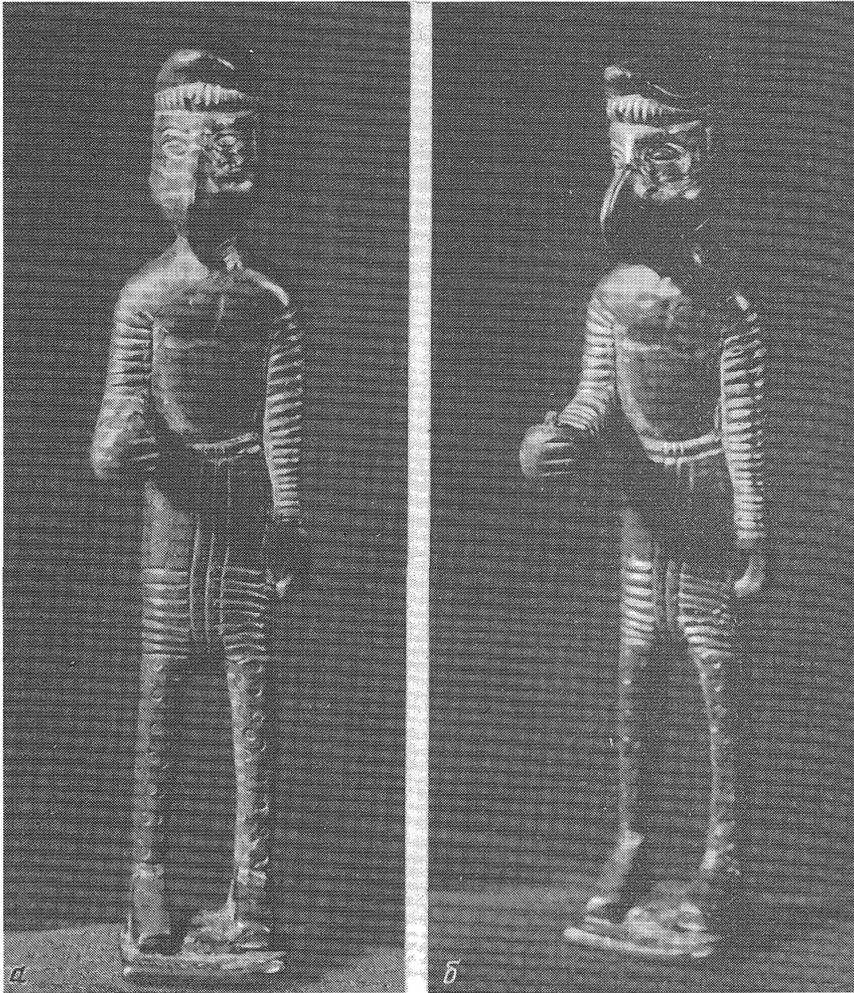


Рис. 1, а-б. Серебряная статуэтка жреца (1/863)

ренными рабочими частями. Все предметы этого раздела, несомненно, имеют ритуальное назначение. Скульптуры жрецов с барсом в руках перекликаются с многочисленными подобными изображениями на votивных пластинах.

Описание предметов:

1/863. Статуэтка серебряная: жрец, стоящий на постаменте с прутьями барсома в согнутой в локте правой руке (четыре прутка отломаны, судя по концам, выступающим сверху и снизу кулака). Левая рука вытянута и плотно прижата к телу (рис. 1а, б). На голове жреца башлык-кирбасий, колпак которого сдвинут на левую сторону, а наушники обвязаны вокруг шеи, два задних конца, имеющих разделительный шов, от затылка округлым рельефом ниспадают до лопаток. На лице от верха носа до подбородка заостренно выступает вперед специальная повязка, предотвращающая попадание дыхания на огонь, которая тесьмой завязана поверх кирбасия на задней окружности головы. Лицо обрамляет округлая челка с вертикальными прядями. Над миндалевидными глазами гравировкой нанесены линии бровей параллельно линиям верхнего века, переходящие у переносицы в линию носа. Жрец одет в традиционный короткий кафтан, перехваченный поясом с узлом, стянутым на животе,

длинные концы которого доходят до низа кафтана. Фигура стройная, сухощавая, слегка вытянутая. На гладкой спине сверху и снизу у талии складки. Кафтан с нашивной каймой спереди, с боков и внизу плотно облегает тело жреца. Длинные рукава халата засучены и собраны на кистях, образуя на руках овальные складки. На жреце штаны в обтяжку, декорированные нашивными бляшками (пробиты пунсоном) и надетые поверх сапожек, стянутых на щиколотке ремешком. Скульптура четырехгранная, еще не круглая, выполнена лаконично и мастерски.

Литье, подрезка, шлифовка, гравировка.

Прутки барсома, зажатые в кулаке правой руки, обломаны. То же, что и № 146, но очищена от окислов.

Вес 111,95; высота 105,31; толщина 10,46, головы с козырьком повязки 20,93, с выступающей рукой 22,75; ширина плеч 22,32, головы 13,09. Прямоугольная пластина подставки 20,01 × 19,24; толщина 2,68.

В профиле башлык и специальная повязка выглядят чрезвычайно монументально. Хотя имитирован войлок, башлык с повязкой действительно похожи на средневековый шлем с забралом. Продававшие статуэтку афганцы назвали ее «человек в шлеме».

Конец VI в. до н.э.

2/146. Статуэтка серебряная: жрец, стоящий на постаменте с прутками барсома в выставленной вперед, согнутой в локте правой руке (сверху прутки обломаны в древности, однако снизу кулака видны свежие круглые сколы четырех прутков), левая – опущена вдоль тела.

Литье, подрезка, шлифовка, гравировка.

Прутки барсома, зажатые в кулаке правой руки, обломаны. Скульптура сильно патинирована, о деталях можно судить по аналогичной статуэтке № 1/863.

Вес 130,3; высота 102,37; ширина плеч 23,27; толщина от груди до спины 13,29. Прямоугольная пластина-подставка толщиной 3, шириной 24, длиной 18,3 мм.

То же, что и № 1/863, но покрыта патиной, требует реставрации.

Конец VI в. до н.э.

3/864. Статуэтка золотая: жрец, стоящий на пластинке-постаменте с четырьмя длинными витыми прутьями барсома в согнутой в локте правой руке (рис. 2). На голове башлык. Два конца сзади спускаются параллельными полосками до лопаток. Специальная повязка закрывает рот. Овальный капюшон ниспадает на левую сторону. Щиток, прикрывающий рот, спаян из трех полудисков. Поджарая фигурка жреца четырехгранная. Голова в башлыке непропорционально крупная, не лишена монументальности, которую ей придает шлемоподобный башлык и крупные глаза. Глаза прочерчены двумя овалами, снизу дополнительная округлая линия подглазья, нос прямой. Повязка заострена в центре, придает кирбасию форму средневекового шлема с подвижным щитком. Прическа передана насечками прямой челкой, выступающей на лоб из-под башлыка. Борода и усы скрыты повязкой. На жреце короткий (до колен) подпоясанный кафтан. Концы пояса доходят до конца подола кафтана спереди. Длинные рукава собраны поперечными складками к локтю в виде валиков. Сзади складки у пояса проработаны вертикально гравировкой. Спереди кафтан оторочен горизонтальными линиями, придающими одежде нарядность. На кафтане пять нашивных оторочек на правой поле и шесть на левой поле кафтана спереди и с боков. Сзади на кафтане от пояса сверху и снизу длинные складки. Высокие сапоги орнаментированы кружками пунсона. Прутья вдвое длиннее, чем у других таких же фигурок, но выглядят подлинными.

Литье, подрезка, шлифовка, гравировка.

К фигурке припаян новый постамент и припой необработан так качественно, как вся фигурка.

Вес 43,05; высота фигурки с постаментом 61,37; ширина плеча 7,3, головы 7,63; толщина с согнутой рукой 14,80, головы со щитком 13,13. Постамент квадратный 13,63 × 13,63; высота 1,77; длина прутьев 76,86 – 77,15.

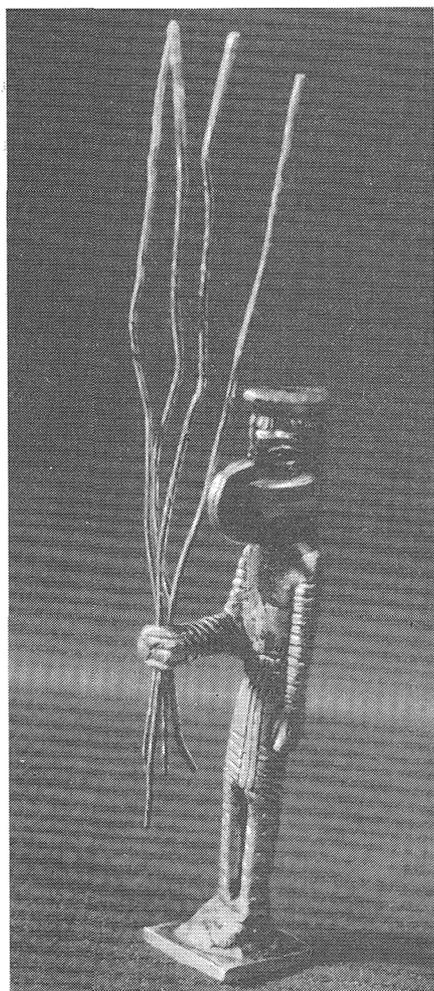


Рис. 2. Золотая статуэтка жреца (3/864)



Рис. 3. Золотая статуэтка жреца (4/149)

То же, что и № 4/149 и 5/150. Сделаны, определенно, одним мастером. Другим мастером изготовлены статуэтки ОТ-1 № 7, 7а – жрецов в кандизах с короткими прутками барсома в руке¹⁶. Известны подобные изображения и на рельефах монументального искусства¹⁷.

Конец VI в. до н.э.

4/149. Статуэтка золотая: жрец с тремя прутками в правой руке, стоящий на пластине-подставке (рис. 3).

¹⁶ Dalton. Op. cit. P. 76–77. Pl. XII, 2; *idem*. The Treasure of the Oxus. L., 1964. P. 2. Pl. XII, 2, 2a; Mitchell. Op. cit. S. 39. Третий тип – жрец в кандизе и кирбасии со склоненным на сторону колпаком, см. Brentjes B. Das alte Persien. Wien–München, 1965. Abb. 39. Четвертый тип – сидящий жрец в коротком кафтани с вертикально стоящим колпаком кирбасии: Dalton. Op. cit. P. 76 f. Pl. XLla.

¹⁷ В монументальном и изобразительном искусстве изображения жрецов и правителей, несущих барсом, см. Nollé M. Denkmäler vom Satrapensitz Daskyleion. Studien für greco-persischen Kunst / Antike in der Moderne. Bd 2. B., 1992. Taf. 12 C; Schmidt E.F. Persepolis, I. Structures, Reliefs, Inscriptions. Chicago, 1953. P. 56; Ghirshman R. Iran. Parthians and Sassanians. P., 1962. Fig. 34; Herzfeld E. Am Tor von Asien. Felsdenkmale aus Irans Heldenzeit. B., 1920. S. 13–14. Pl. XIV. Fig. 8; *idem*. Iran in the Ancient East. Archaeological Studies Presented in the Lowell Lectures at Boston. N.Y., 1988. Pl. 86. Fig. 314, 315.

Литье, подрезка, шлифовка, гравировка. То же, что и № 3/864.

Сохранность полная, четвертый пруток барсома утрачен.

Фигурка припаяна к постаменту 16,5 × 14,0 × 1,7.

Вес 40,5; высота 56,6; длина прутьев барсома 45,6, т.е. они почти равны высоте жреца.

Конец VI в. до н.э.

5/150. Статуэтка золотая: жрец с барсомом в руках, стоящий на прямоугольной пластине. В руках четыре больших прута барсома (как у всех жрецов, объемно изображенных в этой коллекции).

Литье, подрезка, шлифовка, гравировка.

Ноги припаяны к постаменту недавно.

Вес 40,2; высота 53,60. Постамент 16 × 14,7 × 1,6.

Аналогична статуэтке № 4/149. Есть и отличия: ноги короче, левая ступня отведена вовнутрь.

Конец VI в. до н.э.

6/860. Статуэтка серебряная: фигурка стоящего на дорической капители обнаженного человека с вытянутыми вдоль тела руками. На голове золотая лента закрывает голову от глаз до макушки. Прическа с выпуклыми прядями, короткая, сзади округлая. Тело с узкой талией атлетическое. Работа, несомненно, местная, но по хорошей форме. Лента могла быть остатком головного убора.

Литье, шлифовка.

Фалл утрачен. Тело не достаточно отшлифовано, на поверхности незаполненные при доработке литики, пустоты, оставленные воздухом.

Вес 21,6; высота 53,10; ширина плеч 15,43; толщина 7,28.

V в. до н.э.

7/152. Статуэтка серебряная позолоченная: стоящая фигура обнаженного мужчины со щитом или овальным предметом в левой руке. На правой раскрытой ладони держал древко (утрачено).

Литье, подрезка, шлифовка, гравировка.

Статуэтка покрыта окислами и речным песком.

Вес 12,56; высота 83,26.

Эллинистический период.

8/151. Статуэтка серебряная, подвесная: стоящий стройный юноша. Правая согнутая в кулак рука прижата к вогнутому животу. Левая – вытянута вдоль тела. Прическа с короткой челкой и округлой прядью сзади. На спине кольцо для подвешивания (гиря, подвеска – ?).

Литье, подрезка, шлифовка, гравировка.

Статуэтка покрыта окислами и речным песком.

Вес 18,1; высота 53,63; ширина плеч 12,56; толщина вместе с кольцом 13,74.

Дата уточнится после очистки предмета.

9/861. Статуэтка серебряная: фигурка стоящего обнаженного человека с согнутыми в локте и вытянутыми вперед руками (кисти обломаны). Тело без талии со слабо развитыми вытянутыми ножками. На лице золотая пластина, с прочеканенными точечным пунсоном волосами, глаза и рот гравированы. Узкий с горбинкой нос продавлен изнутри. Борода не обозначена. Между руками – пластинка – сохранившаяся часть предмета – подношения. Между ногами маленький фалл. Спина гладкая без проработки мышц и деталей прически. Работа, несомненно, местная, подобные встречаются и в ОТ-1 № 5–6.

Литье, шлифовка.

Концы ног, часть головного убора и приношение утрачены.

Вес 3,3; высота 38,78; ширина плеч 9,16; толщина 6,32.

Эллинизм.



Рис. 4. Серебряная статуэтка быка с головой, повернутой назад (10/862).

10/862. Статуэтка серебряная: бык, обернувший голову назад (рис. 4). Миндалевидные глаза с глазным яблоком, челка в виде орнаментальных треугольных насечек, каплевидные мышцы справа над губой. Рога короткие, закругляясь, обращены вперед. Передние ноги плотно подогнуты. Грива, завитая на концах. На шее спереди грива в виде обращенных в разные стороны каплевидных полуовалов с точками в центрах. На теле с боков от «позвоночника» гравировкой показаны овалы с округлыми «ребрами» как у тахтисангинского льва на ножнах № 1000¹⁸. Каплевидные мышцы на плечах, другие – с раздвоенными концами на предплечьях. Внизу фалл.

Литье, подрезка, шлифовка, гравировка.

Вес 122,00; высота 41,05; ширина 18,04, головы 20,31; длина 41,12.

Задняя часть тела утрачена, часть рога обломана.

По моделировке деталей аналогичен, вплоть до стилизации мускулатуры, быкам на рельефах и капителях Персеполя¹⁹.

Первая половина V в. до н.э.

¹⁸ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Ножны акинака из Бактрии // ВДИ. 1981. № 3. С. 87–110; Litvinskij B.A., Pichikjan I.R. An Akinak Scabbard from Bactria / Soviet Anthropology and Archeology / Recet Soviet Work on the Scythian and Related Ancient Civilizations. A Journal of Translations. V. XXI. № 1–2. Sumer-Fall. 1982. P. 139–182.

¹⁹ Trümpelmann L. Persepolis. Ein Weltwunder der Antike. Mainz am Rein, 1988. Abb. 17, 20; Ghirshman R. Persia. From the Origine to Alexander the Great. L., 1964. P. 220–221. Fig. 186, 270; Herzfeld. Iran in the Ancient East... Pl. 62.

11/190. Статуэтка серебряная: лев, стоящий на задних лапах. Часть более сложной композиции, судя по подставке, на которой он стоит. По большой голове вертикально к морде спускается короткая грива, моделированная прямыми насечками. Пасть устрашающе открыта. Грива от головы до хвоста и вокруг шеи гравирована косыми насечками на ромбики и квадратики. Мышцы предплечий и бедра каплевидные. Длинный хвост загибается до земли²⁰.

Литье, подрезка, шлифовка, гравировка.

Общая длина композиции равна длине фигурки льва с хвостом 50,97; высота 36,25; максимальная ширина у головы 11,25; вес 30,4.

Отломаны передние ноги и срезана часть правого бедра задней ноги. Конец хвоста отломан.

V – первая половина IV в. до н.э.

12/865 А. Статуэтка серебряная: сидящий тигр, с вытянутыми вперед передними и подогнутыми задними лапами. Морда, обращенная влево, передана как у традиционных ахеменидских львов с оскаленной пастью и множеством складок на верхней губе. Уши загнуты назад и прижаты. Глаза в виде треугольников. Вокруг головы обрамление в виде гравированной гривы. По телу гравированы полосы на шкуре, симметрично идущие с каждой из сторон фигуры от позвоночника²¹. На предплечьях каплевидная мышца, но нестандартной ахеменидской формы.

Литье, подрезка, шлифовка, гравировка.

Совершенно аналогичен № 13/865 В, 204.

Вес 35,5; высота 24,75; длина 42,74; ширина 14,88.

Сохранность полная.

V – первая половина IV в. до н.э.

13/865 В. Статуэтка серебряная: сидящий тигр, с вытянутыми вперед передними и подогнутыми под тело задними лапами, обращенный головой вправо.

Литье, подрезка, шлифовка, гравировка.

То же, что и № 865 А.

Вес 31,15; высота 23,82; длина 38,60; ширина 14,15.

Сохранность полная.

V – первая половина IV в. до н.э.

14/204. Статуэтка серебряная: сидящий тигр, обращенный головой влево. Передние лапы вытянуты, задние подогнуты.

Аналогична очищенным от окислов статуэткам тигров ОТ-2 № 865 А–В.

Литье, подрезка, шлифовка, гравировка.

Вес 40,9; высота 42,40; ширина 25,39.

Статуэтка покрыта толстым слоем окислов и речным песком.

V – первая половина IV в. до н.э.

15/153. Статуэтка серебряная, позолоченная, литая, гравированная: стоящий бык зебу. Объемная фигурка передана обобщенно.

Литье, подрезка, шлифовка, гравировка.

Вес 7,6; высота 14,59; длина 22,38; толщина 7,89.

Позолота сохранилась фрагментарно. Окатана, заизвесткована, на окиси речной песок. Еще в древности утрачены передние ноги и хвост. Металл почти не сохранился.

V – первая половина IV в. до н.э.

²⁰ Львы были тотемным символом иранцев, это подтверждается передачей в иероглифических текстах имен ахеменидских царей и страны ариев в виде лежащего льва. См. *Tanavoli P. Lion Rugs. The Lion in the Art and Culture of Iran. Basel, 1985. P. 9.*

²¹ Восходит к серебряным статуэткам львов из Горгана (коллекция Н.Д. Халили, Лондон). См. *Tanavoli. Op. cit. P. 9. Fig. 2.*



Рис. 5. Ритуальный кастет, железо с серебряной плакировкой (17/866)

16/154. Статуэтка серебряная, расплющенная проволока: кобра, свившаяся в полтора круга с поднятой расплющенной головой. Змея сделана из утончающейся к хвосту серебряной проволоки. Головка передана очень правдоподобно: расплющена, с небольшим утолщением к центру и утончениями на концах, рот моделирован едва заметной прорезью, глаза переданы точками.

Сплющивание, подрезка, шлифовка, гравировка.

У головы змея сломана. При продаже была склеена. Вызывает сомнение, что такой хрупкий предмет дошел от Клада Окса. Однако изображенная кобра, так же как тигры, в большом количестве водится в этих местах (тигры посещали археологов в 1937 г., исчезли в 1954 г.), что косвенно свидетельствует о местном изготовлении этих скульптур.

Вес 1,6; высота 15,03; диаметр кольца 17,88, проволоки 1,80.

Эллинизм.

17/866. Ритуальный кастет железный с серебряным листовым покрытием в форме рабочей части кирки с рукояткой в виде протомы сидящего с поднятой головой льва (рис. 5). Морда льва передана лаконично, гравировкой обозначены глаза, надбровные дуги и грива на лбу между ушами. Гравирован, рельефно очерчен зад льва²².

Ковка.

Два острия кастета носят следы сработанности, толстое серебряное покрытие изношено и утрачено. На всей поверхности вмятины от ударов. Хвост вместе с кольцом для продевания пальца утрачен. Голова льва при нанесении удара продевалась между безымянным или указательным пальцем для удобного удержания в руке.

Вес 296; высота 56,27; длина 189; толщина 15,04. Толщина покрытия из вдвое сложенного серебряного листа 0,98.

V–IV в. до н.э.

²² Скульптура льва украшала обухи луристанских ритуальных топориков и кастетов: *Pope A.U. Masterpieces of Persian Art. L., 1945 (1960). Pl. 8 B; Tanavoli. Op. cit. P. 22. Fig. 25.*

Общее сопоставление второй части Клада Окса (ОТ-2) с первой (ОТ-1) показывает полную тематическую аналогию составной части мелкой пластики (изображения людей, преимущественно жрецов, и животных). Объемная пластика Клада Окса Британского музея содержит три золотые фигурки жрецов (1–2а), серебряную статуэтку донатора с согнутыми в локте руками (4), сюда же входят изображения из золота двух персов на повозке (7 и 7а), а также сидящего всадника. Скульптуры этого раздела дополнены золотыми фигурками животных: лошадей (8, 9), козла (10), оленей (11, 12, 13), головой льва-грифона (14) и серебряной фигуркой птицы (15). Скульптурное изображение рыбы из золота скорее следует отнести ко второму разделу – Сосуды (II).

Однако при заметном единообразии в изображении жрецов в обеих частях клада необходимо отметить преобладание определенных характерных черт внутри каждой из них. Скульптурки жрецов первой части (ОТ-1) (2, 2а, 7б) по одежде (короткий подпоясанный кафтан), по моделировке кирбасия (со стоящим вертикально колпаком) очень схожи между собой²³. Точно так же бесспорно сходство двух серебряных и трех золотых подобных фигурок во второй части Клада Окса (ОТ-2). Во второй части Клада публикуемые скульптуры жрецов облачены в кирбасии со склоненным на сторону колпаком. Эти два типа изображения кирбасия, хотя и крайне редкие вне Клада Окса, все же имеют аналогии. Так, в самом Кладу Окса, кирбасии на жрецах (1–5) Метрополитенского музея близки кирбасиям персонажа, сидящего на повозке (7)²⁴ и известного персидского всадника, мчащегося галопом²⁵. Тип кирбасия с вертикально стоящим колпаком статуэток Британского музея (2, 2а) родственны кирбасиям статуэток, известных еще О. Далтону²⁶. Вместе с тем стилистически обе группы изображений заметно отличаются друг от друга. Очевидно, скульптуры принадлежат разным мастерам, а возможно, и разным скульптурным мастерским. Однако это первое и чуть ли не единственное различие в изделиях первой и второй части Клада Окса.

Для рассмотрения нижней даты Амударьинского клада необходимо затронуть сложную проблематику, связанную с хронологией наиболее ранних предметов.

Результаты стилистико-иконографического анализа литой серебряной фигурки Клада Окса (ОТ-1, № 1) показывают, какой большой осторожности требует атрибуция предметов этой уникальной коллекции. Сам О.М. Далтон считал, сопоставляя с изображениями на цилиндрических печатях и на рельефах, что это изображение ахеменидского царя, в этом его убеждали зубы, выгравированные на верхнем обруче тиары. Он датировал статуэтку началом V в. до н.э.²⁷

Очень важные наблюдения относительно этой фигурки сделал Р. Гиришман. Он отметил контраст между реалистической трактовкой головы и условностью корпуса, фронтальность, ярко выраженные этнические черты персонажа. Специальное внимание он обратил на «реминисценции искусства Луристана». В этой связи исследователь сопоставляет статуэтку из Клада Окса с изданной им бронзовой женской статуэткой из коллекции Фуруги. Особо он отмечает, что персонаж, который называется «донатором», держит в левой руке не барсом, как думал О.М. Далтон, а цветок. Он также «склоняется» к тому, что донатор – бактриец²⁸.

Можно добавить, что к числу близких аналогий относится вотивная статуэтка Тегеранского музея, найденная в Пушт-и Кух на склонах гор Загроса, спускающихся к Месопотамской долине, т.е. в западной части Луристана²⁹. Обе статуэтки – Тегеранского музея и Клада Окса – сближает не только прямое сходство лиц, форма

²³ Dalton. Op. cit. P. 2, № 2, 2a. Pl. XIII, XLI; Mitchell. Op. cit. P. 39. № 12.

²⁴ Dalton. Op. cit. Pl. IV, 7.

²⁵ Ghirshman R. Iran. Protoiranian, Meder, Achemeniden. L., 1964. Fig. 315.

²⁶ Dalton. Op. cit. P. 2. Pl. XIII, 2, 2a; XLI; The Antiquarian Quarterly. L., 1925. P. 49; Sarre F. Die Kunst des alten Persien. B., 1925. S. 19. Taf. 43.

²⁷ Dalton. Op. cit. P. 1.

²⁸ Ghirshman R. Perse. Proto-Iraniens. Médes. Achéménides. P., 1963. P. 246, 296–297.

²⁹ Ibid. Protoiranian... P. 55–56. Fig. 68.

бороды, но и попытка трехмерной передачи объема голов и рук, тогда как торс передан уплощенно (подобно плоскому столбу ксоанов). Такая особенность свойственна в равной степени ранним этапам становления реалистического искусства Греции и Востока.

Добавим, что статуэтка из коллекции Фуруги датируется VIII–VII вв. до н.э.³⁰ Удивительно интересным оказался текст надписи на статуэтке из Луристана, не только обозначающий ее специфически храмовое назначение, не только сообщающий о перипетиях, происшедших с этой статуэткой божества города (подобно амударьинской, попавшей в другой храм), но и называющей названия города и храма, о существовании которых никто из современных археологов и не подозревал.

Приведем текст этой надписи, так как подобной информации сильно недостает статуэтке из Клада Окса: «Бог города Ду-су-тир-га-зи храма Тума-ина в городе Бур-се-се-су. Этому храму Мардук, сын Сулман-асриду, правитель Тумил принес его обратно и заставил его обитать в этом самом месте»³¹. Комментируя эту надпись, Р. Гиршман отмечает, что «все места, упоминаемые в тексте, нам неизвестны. В данном случае мы имеем маломасштабную иллюстрацию того, что было обычной практикой в ходе войн между великими вождями, не меньше, чем в войнах между такими великими державами, как Ассирия и Урарту: иллюстрацию экспроприации богов у побежденных и передачи их в столицу победителя или один из городов его государства»³².

Возможно, что приблизительно такая же судьба постигла и маленькую серебряную фигурку (№ 1) из Клада Окса: она была захвачена победителями и перенесена в далекое от первоначального храма место, чтобы быть вновь посвященной в другой храм. Рассматривая эту статуэтку, С. Кессон пришел к выводу, что самым ранним примером ахеменидской скульптуры в металле служит изображение изысканного «царя» из серебра, перевязанного поясом. За исключением ассирийских и вавилонских пропорций в стиле скульптуры, отмечает С. Кессон, в ней примечательно мало инородного. В одежде нет никакого намека на особую драпировку, отражающую греческое влияние, вследствие этого, по мнению С. Кессона, ее можно считать чисто персидской. Для произведения златокузнеца она очень высокого качества. Ее дата очень ранняя, поскольку одежда предшествует введению стандартного «раструба» и «складок льна», характерных для VI столетия.

Датировка (VII в. до н.э.) С. Кессона³³ не увязывается с его же утверждением о том, что статуэтка чисто персидская. Мы ровно ничего не знаем о «чисто персидской» тореvтике VII в., тогда как луристанские бронзы этого и более раннего времени нам хорошо известны. Однако нельзя же утверждать, что луристанское – это и есть персидское. Правда, у С. Кессона часто встречаются вполне оправданные выводы, что истоки тореvтики ахеменидов восходят к бронзам Луристана³⁴.

Итак, исследователи подчеркивают «луристанские» черты этой статуэтки. Действительно, всем луристанским скульптурам придают определенное сходство стандартные, но настолько выразительные трактовки форм голов и укрупненность черт лица, что их ни с чем невозможно перепутать. Эти особенности изобразительных приемов луристанских мастеров Р. Гиршман характеризовал как «вертикализм» (из-за удлиненных пропорций), «щекастость» (самую широкую часть голов образуют налитые круглые упругие щеки), «носатость» громадного, словно приставного длинного носа, «трехступенчатая сужающаяся кверху тиара» и «заостренная борода» (клинышком)³⁵. Всем

³⁰ 7000 Years of Iranian Art. Calculated by the Smithsonian Institution, 1964–1965. P. 72, № 241. Pl. on the p. 141.

³¹ *Ghirshman. Protoiranian...* P. 55–56.

³² *Ibid.*

³³ *Casson S. Achaemenid Sculpture. Sculpture in the Round // A Survey of Persian Art. V. I. London–New York–Teheran–Tokio, 1967.*

³⁴ *Ibid.* P. 352, 360.

³⁵ *Ghirshman. Protoiranian...* P. 48–56.

малым луристанским скульптурам свойственны плоскостность и удлиненность пропорций тела, происходящие от «беспомощности» луристанских кузнецов в освоении трехмерного скульптурного изображения³⁶. К этому следует добавить и луристанские (и более древние) аналогии оформления одеяния. Много черт отмечает эту фигурку от ахеменидских. Общий ее облик совершенно отличен от других произведений ахеменидской объемной пластики. В этом абсолютно убеждает сопоставление с золотой статуэткой из Клада Окса (№ 2) и с серебряной статуэткой из Берлинского музея³⁷. Р.Д. Барнет считал, что статуэтка изображала самого Кира II, основателя Ахеменидской империи. Он ссылается на «довольно архаический облик» в сочетании с головным убором, на котором выгравированы зубцы, и на сходство одеяния на этой статуэтке и на изображении Кира II на рельефе в Пасаргадах³⁸. Впрочем, уже О.М. Далтон, как уже указывалось, обратил внимание на сходство с изображениями на цилиндрических печатях, на сходство одежды с одеждой персонажей ахеменидских рельефов, на зубчатую гравировку на головном уборе³⁹, но Е.В. Зеймаль счел более правильным датировку V в.⁴⁰

Наши выводы сводятся к следующему. Очень многое в рассматриваемой статуэтке восходит к луристанской традиции, и лишь некоторые элементы органично входят в русло собственно ахеменидского искусства. Учитывая слабую изученность первых шагов ахеменидского искусства, мы не рискнули полностью отрицать возможность того, что это одно из его произведений, когда его каноны еще не были выработаны, но, пожалуй, скорее, во всяком случае типологически, это доахеменидское, т.е. мидийское искусство. Таким образом, наша датировка – от конца VII до середины VI в. до н.э. представляется наиболее оправданной.

Каждое из этих произведений искусства требует специального изучения, однако даже методически правильный подход не всегда приносит должные результаты. Так, до настоящего времени обнаженный юноша (№ 4) не идентифицирован с возницей. На однозначность и необходимость такой атрибуции указывают две его согнутые руки, держащие поводья. Предложенные версии идентификации этого персонажа (в том числе Аполлон-Митра) могли бы быть оправданы, если бы эта вотивная статуэтка не датировалась ранее IV в. до н.э. Иначе можно было бы этого обнаженного юношу отождествить с Митрой на «солнечной колеснице». Однако изображения Митры в V в. еще не было.

Специального внимания требует и статуэтка № 3, изображающая бородатого мужчину в короткой тунике, тянущего канат, датированная О. Далтоном IV в. до н.э.⁴¹ Е.В. Зеймаль справедливо указывает, что она относится к более поздней дате. Это верно: статуэтка – одна из самых поздних вещей из всего Амударьинского клада, так же как и бляхи № 41, 41а. Выделяя предметы, несомненно, греческого производства (№ 4 и 86), Р. Барнет отнес к ним и бляху (пуговицу?) № 41 с изображением безбородого мужчины с «печальным фронтальным видом», бляху «вряд ли можно отнести раньше парфянского времени»⁴². То же самое можно сказать и о рогатом персонаже на «пуговице» – бляхе № 42. Если Р. Барнета это изображение «рогатого чудовища» свирепого вида наводит на мысль о джинне из арабских сказок «Тысячи и одной ночи», то для нас совершенно очевидно, что тут (№ 41, 41а, 42) во всех трех случаях изображено водное, точнее, речное божество, разные интерпретации которого представлены в храме и Кладе Окса в виде Силена Марсия, Ахелоя, «Гопатшаха» и других водных или прибрежных божеств. Ясно, что их находка в храме бога реки не случайна. Бляху № 41 Р. Барнет датирует парфянским периодом, считая ее единст-

³⁶ Ibid. P. 56–57.

³⁷ Sarre. Op. cit. P. 18–19. Pl. 43.

³⁸ Barnett R.D. The Art of Bactria and the Treasure of the Oxus // Iranica Antiqua. 1968. 8. P. 39.

³⁹ Dalton. Op. cit. P. 1.

⁴⁰ Зеймаль. Амударьинский клад. № 1. С. 34–35.

⁴¹ Там же. № 3.

⁴² Barnett. The Art... P. 37.

венным поздним проникновением в Сокровище Окса⁴³. К ней уверенно следует добавить и бляхи № 41а, 42.

К бактрийским изделиям Р. Барнет относит пару безбородых юношей (№ 5 и 6), названных О. Далтоном довольно зло «варварскими»: «Мы не привыкли к изображению таких людей (бактрийцев – по Р. Барнету) и нас легко шокирует их "брахицефальный вид"», – пишет исследователь. Он обращает внимание на отверстия для серег в ушах, видя в этом правомерность этнической атрибуции по аналогии с бородатыми бактрийцами, изображенными на персепольских рельефах с серьгами в ушах⁴⁴. Мнение Р. Барнета подкрепляется близкой по форме и технике исполнения, но значительно более поздней золотой маской из могильника Шамши в Чуйской долине (Киргизия)⁴⁵. Более вероятно, что голова (№ 5) принадлежала деревянному идолу, а не была «наставной» к торсу золотого идола, как полагает Е.Е. Кузьмина⁴⁶. Головы № 5 и 6 могут прежде всего претендовать на принадлежность к бактрийскому искусству, однако, даже если это удастся доказать, вряд ли они могут быть датированы ахеменидским периодом.

(Продолжение следует)

THE REVIVAL OF THE GREAT OXUS TREASURE.
THE SECOND PART OF THE OXUS TREASURE FROM
THE MIHO MUSEUM COLLECTION

I.R. Pichikyan

The discovery of the famous Oxus Treasure is a detective story. Found in 1877 by peasants on the bank of the Amu-Darya in the place Takhti Kubad near an old fortress, it was sold to Bukhara merchants who were going with a caravan to India. On the way to Peshawar the merchants were robbed by a local nomadic Gilzai tribe. British captain Barton managed to recapture but a small part of the Treasure. Having reached Rawalpindi in Pakistan, the merchants sold about 200 gold objects and 1500 gold and silver coins to British civil servants, collectors, who bequeathed those things to the British Museum.

A hundred years after the discovery of the Treasure an expedition led by the author of the article began to excavate the Zoroastrian temple of fire dedicated to the Oxus Deity. The work went on for twenty field seasons and resulted in many finds of gold, silver and ivory ornaments among other some of which are parallel to objects from the Oxus Treasure in the British Museum. It enables the author to suppose that the treasure buried on the bank of the Vakhsh had been taken from the temple excavated by his expedition and hidden during the nomadic Kushanian invasion of Bactria in the IInd c. B.C.

In 1993 after a long and thorough search descendants of the ruler of the Gilzai tribe found the bigger part of the Oxus Treasure (OT-2) taken from the Bukhara merchants and buried on the spring bed. The silver objects were covered by sand and a thick layer of oxides. Afghans put out at a London auction over 2500 objects, mostly gold ones, a few hundred gold coins and more than 2000 silver ones. The overwhelming majority of the objects, but only a small part of coins of OT-2 from the late-archaic to late-Hellenistic time was bought by Miho Museum in Japan. A series of articles by I.R. Pichikyan is devoted to their preliminary publication. The first of those including a sculpture: statuettes of priests with barsom in their hands, young men, figurines of oxen, lions, tigers, a cobra and a ritual knuckleduster, is published in the current issue of the journal.

⁴³ Ibid. P. 37. Not. 3.

⁴⁴ Ibid. P. 37.

⁴⁵ Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье. Каталог выставки. Л., 1983. С. 32, 43, № 141.

⁴⁶ Кузьмина Е.Е. Бактрия и эллинский мир в эпоху до Александра // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978. С. 192.